

3D1

Валдемар Люфт
Памятник Ильичу (рассказы)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18014012

Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

Автор книги в изложении прост и ясен. Персонажи рассказов с характерами, как и в реальной повседневности, но жизненные повороты в повествованиях не всегда предсказуемы, а психологизм (порой и трагизм) положений глубок.

Содержание

Памятник Ильичу	4
Когда цветут маки	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Валдемар Люфт

Памятник Ильичу

Рассказы

Памятник Ильичу

Памятник привезли после обеда. Он был упакован в массивный ящик из строганных досок. Камаз с ящиком загнали в крытый гараж, чтобы, не дай бог, он не попал под дождь. Его заказали ещё в прошлом году маститому областному скульптору, который специализировался на памятниках и бюстах великим вождям пролетариата. Стоил он дорого, но у райкома на эти цели денег было всегда в достатке.

В этот же день Сковцова вызвали в райком. Он был коммунист с большим партийным стажем и работал слесарем в комхозе. В райком привёз его сам начальник комхоза на своей служебной машине. Секретарь по идеологии и несколько работников райкома вышли на площадь, чтобы определить место для нового памятника. В конечном итоге, лучшее место было там, где уже стоял бюст Ленину. Он был изготовлен из гипса, стоял здесь уже больше тридцати лет, и в его бетонное основание несколько раз въезжали пьяные водители на своих машинах. В прошлом году построили новое массивное здание райкома партии, и бюст на его фоне смотрелся теперь маленьким и незначущим. Это принижало величие вождя и идеологически было недопустимым.

Когда окончательно утвердили место для нового памятника, секретарь отвёл Сковцова и начальника комхоза в сторону, подальше от своих подчинённых.

– Бюст нужно ещё сегодня ночью убрать. Желательно попозже. Это будет не очень хорошо выглядеть, если мы будем его убирать на виду у людей.

Возражать партийному руководству было не принято, поэтому договорились, что Сковцов приедет поздно ночью на кране и со сварочным аппаратом и выполнит эту ответственную работу. Помочь ему в этом брался сам начальник комхоза. Об оплате ночной работы речь никто не заводил. Сковцов понял, что это было почётное партийное поручение.

Ночью старый бюст убрали с площади и вместе с бетонным основанием его спрятали в дальнем углу комхозовского склада.

К десяти часам утра на центральной площади районного центра уже стояли Камаз с ящиком и автокран. Сковцов и автокрановщик осторожно распаковали памятник Ленину. Даже лёжа в ящике он был величествен и строг. Вытянутая рука указывала из ящика на безоблачное небо, где далеко, за приятной голубизной, была бесконечная пустота. Когда установили гранитное пирамидальное основание, встала проблема, как поднять памятник и установить его на постамент. Секретарь и два инструктора находились тоже здесь. Кто-то предложил зачалить памятник под мышками и таким образом поднять его из ящика, но просунуть чалку под памятником Сковцов не сумел. Свободное пространство было только под коленями и под шеей. Сковцов вопросительно предложил:

– Может быть, мы протянем чалку под шеей и за шею поднимем памятник?

– Вы что предлагаете, товарищ Сковцов, – возмутился один из инструкторов, – Ленина – и за шею поднимать. Какое впечатление это у людей оставит?!

Уставший ещё с ночи Сковцов, сдерживая раздражение, сказал:

– Если вы знаете, как это лучше сделать, подскажите.

Инструктор влез на Камаз и стал тщательно исследовать ящик с памятником. Секретарь райкома и второй инструктор, сославшись на дела, исчезли. После нескольких попы-

ток протянуть чалку в других частях тела Ильича, инструктор спрыгнул с кузова Камаза и поспешил тоже в здание райкома. Начальник комхоза уехал контролировать, как идёт ремонт районной котельной. На площади, кроме Скворцова, крановщика и двух-трёх любопытных, никто не остался.

Скворцов протянул верёвочную чалку под шеей памятника, вложил между бронзовой шеей и толстой верёвкой несколько поролоновых прокладок, вторую чалку он для страховки затянул на изгибе левой руки памятника, и подал команду крановщику «Вира». Памятник медленно стал подниматься из ящика. Скворцов придерживал его за ноги, чтобы он не соскользнул и не повредился. Постепенно памятник выпрямился и, затянутый на шее на удавку, покачивался на стропах. Крановщик осторожно повёл стрелу к гранитному основанию. В гранит были уже ввернуты две медные пластины. Скворцов установил ступни Ильича на пластины и приварил их специальными электродами по меди. Взобравшись по лестнице на высоту памятника, он освободил его от чалок, вытер чистой тряпкой шею и изгиб левой руки и, убедившись, что медь нигде не была повреждена, спустился на землю. Здесь он зачистил наждаком сварочный шов так, что его не стало видно и подал команду крановщику собирать стрелу. Когда стрела крана лежала на месте и Скворцов собрал кабеля сварочного аппарата, он придирчиво осмотрел результат своей работы. Памятник был из меди и ярко блестел на солнце. Вождь стоял спиной к зданию райкома партии и указывал правой рукой направление, где по его идее ждало людей сытое, беспечное и счастливое будущее.

На площадь вышли два райкомовских секретаря, инструкторы и заведующие отделами. Набралась довольно таки большая толпа. Они критически, со всех сторон, осмотрели новый памятник, но никто не высказывался, пока секретарь райкома не сказал:

– Хороший памятник и прекрасно вписывается в архитектуру площади.

Его слова послужили сигналом для остальных, и нестройный гул одобрения и восхищения послышался из толпы райкомовских работников. Секретарь райкома, игнорируя Скворцова, подошёл к начальнику комхоза и протянул ему руку.

– Спасибо, товарищ Галкин, вы хорошо поработали. Приглашаю вас в субботу на торжественное открытие памятника Ленину.

Через несколько лет, когда развалилась партия и вместе с ней Союз, бывший инструктор райкома, который возглавлял теперь новую демократическую партию, выступил с инициативой убрать памятник Ленину с центральной площади. Снимали его с пьедестала в открытую, не боясь мнения людей. Загружая памятник на грузовую машину, повредили правую руку вождя и свернули стальным тросом ему нос. Отвезли памятник в комхоз и положили его вниз лицом за складами под забором, где росла высокая лебеда.

Когда цветут маки

Дорога плавно поворачивала вдоль излучины реки. Середина мая. Было тепло, но от реки веяло прохладой и ветерок, влетающий в открытое окно машины, приятно охлаждал уставшее от длинной дороги тело. Вскоре река осталась позади и шоссе потянулось вдоль давно нетронутых полей. Ровно гудел мотор старенькой ГАЗ-69. Этой машине, наверное, лет сорок. Она была ухоженной и в салоне чувствовался некоторый комфорт. Конечно, это не «Мерседес» и даже не «Опель-корса», но для этих мест газончик был самый подходящий транспорт. «Интересно, – подумал Эвальд, – долго бы выдержали на этих ухабистых грунтовых дорогах полированные и хромированные европейские стилинги?».

– Сколько лет этому газончику? – спросил он Дарбая, своего сокурсника по институту.

– По документам машина была выпущена в 1962 году. В ней уже ничего родного не осталось. Рама новая, сиденья жигулёвские, год назад новый мотор от «Волги» поставили.

Дарбай ударил ладонями по рулю:

– Эх! Что бы я делал без этого старичка?!

И действительно, чем дальше машина удалялась от населённых пунктов и центральных дорог, тем глубже была колея. Кое-где в ямах стояла вода, и колёса газика проваливались в яму. Мотор начинал натуженно реветь, Эвальда кидало из стороны в сторону, но газик, не теряя скорости, уверенно продолжал свой путь.

Цель друзей была Джайляу. Эвальд давно мечтал попасть в эти места. Здесь, в предгорье Алатау, была ещё не тронутая природа, ручьи не высыхали почти всё лето, в лощинах стояла трава в рост человека, и на зелёных холмах нагуливали жир овцы. В детстве он бывал здесь много раз. Живший через дорогу сосед, колхозный шофёр дядя Боря, когда ему выпадал рейс на Джайляу, брал с собой своих двух сыновей и, так как Эвальд был их самый верный друг, его тоже. У него осталась в памяти длинная ухабистая дорога, зелёные холмы, видневшаяся за ними горная гряда, обтянутые широкими лентами с казахским орнаментом серые и белые юрты, запах горелого кизяка и кислого молока. День на Джайляу проходил всегда по одному и тому же сценарию. В первую очередь, друзья забирались по еле заметным уступам на высокую гранитную гору и с интересом наблюдали за шофером и чабанами, превратившимися вдруг в лилипутиков. От мотора игрушечной машины шёл пар. Чабаны и дядя Боря выгружали ящики из кузова, потом что-то загружали в него и, в конце концов, по установившейся традиции исчезали в одной из юрт. Возле неё на сложенном из камня очаге стоял казан, в котором варилось свежее мясо. До самого вечера мальчики были предоставлены самим себе. Они лазили по горам, бегали наперегонки с собаками по травянистым склонам, дразнили бородатого козла, катались на неосёдланных лошадях, и к вечеру валились у юрты от усталости на землю. Через кошму слышен был громкий разговор и смех. Когда начинало темнеть, дядя Боря выходил вместе со своими собутыльниками на улицу. Кто-нибудь из казахов забрасывал в кузов связанного по ногам живого барана. Дядя Боря прощался за руку с чабанами, с их жёнами и детьми, с трудом залазил в кабину старенького ЗИСа и дети усталые, но счастливые, ехали домой. Дорога назад была ещё длиннее, чем на Джайляу. Пьяный шофёр терял иногда управление, колёса налетали на камни или выскакивали из колеи, маленькие пассажиры в кузове до хруста в пальцах держались за борта, боясь вывалиться, но всё-таки к полночи были дома.

Здесь на Джайляу Эвальд познакомился с Дарбаем. Он учился в интернате, но все каникулы проводил у своих родителей на отгоне. Случайно они оказались в одном институте и дружба, начавшаяся в детстве, за время учёбы окрепла. После института их распределили в одну и ту же строительную организацию. Эвальд долго оставался рядовым инженером, а Дарбай сделал карьеру, перешёл работать в райком инструктором. Он далеко пошёл бы со

своей способностью аргументированно говорить, деловой хваткой и связями родителей, но пришедшая перестройка распорядилась его судьбой по-другому. Теперь он имел собственное хозяйство. Несколько отар паслись на Джайляу, на восстановленной ферме стояло два десятка коров и старенькие тракторы обрабатывали приватизированную им землю. Дарбай давно звал друга в гости, но у Эвальда не было времени. После каждого письма из Казахстана ему несколько ночей снилось Джайляу. Во сне он лазил, как в детстве, по горам, бежал по пологому склону к видневшимся в ложине юртам, пил из пиалы пахучий терпкий кумыс или наваристый бульон, и просыпался, запыхавшийся от долгого бега и от вкуса кумыса во рту. Наконец-то, у него нашлась возможность вырваться из этого замкнутого круга повседневных забот, пропитанного сыростью и туманом климата, запаха асфальта, автомобильного угара и вони с крестьянских полей. Самолёт перед обедом приземлился в аэропорту южного города, где его встречал Дарбай. Друзья перекусили в ресторане и после трёх часов езды по асфальту свернули на грунтовую дорогу. Они сказали друг другу самое основное, и теперь Эвальд сидел возле водителя, отвлечённо слушал, о чём тот говорил и впитывал в себя окружающий ландшафт, наслаждался ярким солнцем, бившем в лобовое стекло, и свежим воздухом.

– На отгоне моих овец пасут брат и племянник, – рассказывал Дарбай. – Там же дядя пасет свои отары. Ты должен помнить моего дядю. Он ещё получил звезду героя за несколько лет до перестройки. Старый, но крепкий старик. Недавно женился. Официально у него одна жена. Вторая жена у него была ещё при советской власти. Когда его младший брат попал под поезд, осталась жена с ребёнком. Кулантай забрал её к себе в дом. Она родила ему ещё двоих детей. Прошлой осенью новую жену взял. Самому уже под семьдесят, а молодой жене 25 лет. Вдова, но без детей. Кто-то из родственников привез её из города. На сохранение, наверное, – Дарбай засмеялся и продолжил: – Мой племянник тоже недавно женился. Его жена окончила институт, но работу не нашла. Теперь помогает овец пасти. Брат со своей женой тоже здесь, на отгоне. Вчера поставили ещё одну юрту для моей семьи. Навес сколотили. По случаю твоего приезда настоящий той будет. Я попросил женщин нарядиться в национальную одежду. Им праздник, и тебе приятно будет.

Дорога начала петлять вдоль холмов. Видневшиеся впереди горы стали ближе и кое-где из земли торчали острые гранитные камни. Высоко в небе летали несколько птиц. Они парили над землёй, как планеры, выискивая жертву. Суслики, не зная о грозившей им опасности, столбиком стояли у своих нор и удивлённо провожали натуженно ревушую на подъёмах машину. Поднялись на очередной холм, и вдруг перед друзьями открылась неописуемая красота. Ручей голубой лентой прорезал широкую ложину. Небольшое озеро раскрытой ладонью лежало у истока ручья и в его прозрачной воде отражались зелёный склон горы с вкраплениями начинавших цвести маков, выступы серовато-розового гранита и синее небо. Несколько серых и белых юрт рассыпались по зелёному полю в ста метрах от озера. Где-то далеко, на другой стороне долины виднелись пасущиеся овцы. В солнечном испарении они, казалось, парили в воздухе. Лай собак доносился от юрт. Лёгкий ветерок приносил дым от топившихся очагов.

Газик сменил свой рассерженный рёв на удовлетворённое урчание и спустился по пологой дороге к юртам. Многочисленная ребятня оставила свои игры и побежала навстречу машине. Женщины в белых платьях и в тёмных плюшевых жилетках, прекратили свою возню у очагов и под навесом, сгруппировались у одной из белых юрт и с интересом наблюдали, как их долгожданный гость выходил из машины. На некоторых из них были одеты шёлковые платки или чёрные, расшитые казахским орнаментом шапочки. От долгой езды у Эвальда затекли ноги и болела спина. Он с трудом сделал несколько шагов. Откуда-то враз появились мужчины. Большинство женщин и мужчин были ему незнакомы, но он с удовольствием пожимал каждому руку, искренне радуясь видеть безхитростные казахские лица, с которых

ни царь, ни советская власть не смогли изгнать выражение собственного достоинства и уважения к гостю. С теми, кого хорошо знал, он обнимался, обмениваясь короткими фразами. Вот седобородый аксакал Кулантай. К нему Эвальд подошёл в первую очередь, подчеркивая этим уважение к старшему. Вот Бауржан, брат Дарбая. Вот Сагындык, их племянник. Вот Сауле, жена его друга. Красавица, она не одному студенту в институте вскружила голову, но вышла замуж за Дарбая.

После приветствий мужчины расположились под навесом на растеленных коврах. Одна из женщин разлила из кожаного бурдюка кумыс по пиалам. У дастархана на почётном месте сидел Кулантай. Он сложил ноги калачиком, ссыпал в ладонь несколько крупинок насвая, привычно закинул в рот и, комично двигая нижней беззубой челюстью, начал расспрашивать гостя о заграничной жизни. Эвальда посадили рядом с ним, подчёркивая этим его близость к самым почётным людям. С другой стороны от Кулантая оставалось место для Дарбая. По случаю «высокого» гостя мужчины были празднично одеты, а на Кулантае был накинута богатый, расшитый золотыми нитками халат.

В первую очередь, аксакал начал расспрашивать гостя о здоровье жены и детей. «Жена здорова, работает в больнице, – отвечал гость. – Дочь учится в гимназии, сын в профессиональном училище». «Жаксы, жаксы» – приговаривали чабаны, показывая, как они рады, что в семье их гостя всё хорошо. Ответы Эвальда иногда восхищали, иногда удивляли его слушателей. А может быть, им было совершенно безразлично, о чём им рассказывал их гость, но из уважения к нему делали вид, что удивлены и восхищены. Они искренне удивились, когда их гость сказал, что работает столяром на мебельной фабрике. Как так?! Инженер с высшим образованием – и столяр?! Пришлось объяснить:

– Большая безработица. Место инженера или мастера не нашёл и чтобы прокормить семью, пошёл временно на простую работу.

Узнав, что их гость – простой рабочий, чабаны почувствовали себя свободней. И Эвальд был рад этому. Пропала та тонкая граница между «высоким» гостем из-за границы и чабанами из глубинки. Полился откровенный разговор. Дарбай с двумя молодыми работниками разделял недалеко от очагов только что зарезанного жирного барана. Принесли чай с молоком, через некоторое время куырдак. Разлили по полстакана водки и в ожидании бешпармака начали говорить о хозяйственных делах, о политике, о болезнях и о своих детях. Солнце ушло за горы. Где-то за юртами ровно гудела переносная электростанция. Одна лампочка под навесом и вторая возле казанов помигивали в такт работы двигателя, и возле них роилась мошка. Собаки выстроились у навеса, ожидая, когда принесут мясо, и полетят обглоданные кости в их сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.